

УДК 8

В. А. Андреева

ПОЗИЦИИ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

7

Дискурс рассматривается как категория, позволяющая по-новому взглянуть на текст. Автор анализирует разные концепции дискурса, сформировавшиеся в последние десятилетия в рамках когнитивного, конструктивистско-постструктуралистского и неориторического подходов. Несмотря на то, что проанализированные в статье концепции дискурса исходят из разных методологических принципов, у них есть нечто общее, а именно: в их фокусе находится один и тот же объект исследования – текст.Mono- и транстекстовые модели дискурса позволяют преодолеть границы текста, поместив его в динамическое пространство коммуникации. Теории дискурса и само понятие «дискурс» знаменуют собой выход на новый виток спирали познания, позволяющий увидеть и обосновать когнитивно-коммуникативный потенциал текста.

This article considers discourse as a category giving a new perspective on the text. The author analyses various concepts of discourse, which were developed over the last decades within the cognitive, constructivist-poststructuralist, and neo-rhetorical approaches. Despite being based on different methodological principles, the concepts analysed in a text have a common ground: they focus on the same research object, namely, the text. Mono- and transtextual discourse models make it possible to transgress the limits of the text placing it within the dynamic space of communication. Discourse theory and the notion of discourse mark a new turn of the spiral of cognition that makes it possible to see and justify the cognitive and communicative potential of a text.

Ключевые слова: текст, дискурс, когнитивно-коммуникативное событие, дискурсивная практика, дискурсивная формация, дискурс-анализ.

Key words: text, discourse, cognitive-communicative event, discursive practice, discursive formation, discourse analysis.

Дискурс является одним из ключевых понятий современной научной парадигмы лингвистического знания, базирующейся на синтезе когниции и коммуникации [1, с. 228]. Тем не менее приходится констатировать отсутствие единства во взглядах на дискурс, что имеет объективные основания.

Во-первых, термин «дискурс» не ввел в лингвистику нового объекта исследований. В отличие от естественных наук, где научные революции стимулируются открытием новых «реальностей», в лингвистике объектом исследования был и остается язык. Смена же парадигм проис-

ходит при открытии «возможностей новых интерпретаций в принципе уже известных фактов» [там же]. Так, и дискурс как категория анализа очень зависит от того ракурса, в котором рассматривается язык.

Во-вторых, дискурс как ключевое понятие актуальной лингвистической парадигмы является носителем ее отличительных черт и исследовательских установок. Е.С. Кубрякова называет следующие теоретические принципы, которых придерживаются все направления и школы, принадлежащие современной парадигме лингвистического знания [1, с. 207–227]:

– *антропоцентризм*, ставящий во главу угла человека, не только «присваивающего» язык для его творческого использования в познавательных и коммуникативных целях, но и определяющего ракурс его исследования;

– *экспансионизм* как стремление к интеграции со смежными науками (категория «дискурс» релевантна не только для лингвистики, но и для гуманитарных наук в целом);

– *функционализм* как отражение интереса к изучению функций объекта, его использования для обслуживания самых разных сфер жизни отдельного человека и человеческого общества;

– *экспланаторность* как объяснительная сила, эвристический потенциал, ориентация не только на сбор эмпирических данных, но и на их интерпретацию.

Как инструмент интерпретации и ключевое понятие господствующей научной парадигмы в полипарадигмальном пространстве современной лингвистики дискурс дает возможность перехода лингвистической науки на очередной виток спирали познания, позволяя по-новому увидеть язык как средство когниции и коммуникации во всей его полноте, возрождая сосюрговскую триаду «язык – речь – речевая деятельность».

Итак, можно утверждать, что содержание понятия «дискурс» соотносится с определенной исследовательской позицией, которая зависит от рамок соответствующего научного направления. В общем можно говорить о трех концепциях дискурса, выражающих разные подходы к «языку – речи – речевой деятельности».

I. Один из этих подходов сформировался в когнитивной лингвистике.

В его основе лежат когнитивистские представления о существовании непреложной действительности и об автономности субъекта. Субъект, являясь частью этой действительности, обладает способностью к ее отражению, что обеспечивает ему ориентацию, а значит, и выживание в мире. Автономность субъекта проявляется еще и в том, что он не только отражает внешний мир, но и творит в своем сознании многообразные мнимые миры. Основу базисного и мнимых ментальных миров составляют идеальные образования – концепты, представляющие собой нечеткие виртуальные множества, формируемые сознанием посредством механизмов обобщения (отождествления) и анализа (дифференциации) предметного мира [2, с. 2002].

Между концептами и средствами их объективации в языке отсутствует прямая и однозначная корреляция. Язык отражает скорее струк-

туру сознания, чем структуру мира. Структура языка, как заметил М. В. Никитин, «со всеми особенностями индивидуального покрова отдельных языков вообще имеет лишь косвенное отношение к структуре мира: она ближе стоит к структуре сознания, чем мира, и обусловлена она в своих принципиальных чертах не миром, а телеологией языка, его коммуникативным назначением – служить трансляцией значений от говорящего к слушающим» [2, с. 238].

Дискурс рассматривается в когнитивистике как синоним речемыслительной деятельности. Когнитивистику интересуют прежде всего вопросы порождения речи как объективации ментальных структур в речевом высказывании (тексте).

Поскольку «мысль, оформленная в слове», всегда имеет адресата, когнитивный аспект исследования дискурса должен быть дополнен прагматическим, учитывающим фактор адресата высказывания. Как справедливо заметил У. Эко, «всякий текст есть некое синтактико-семантико-прагматическое устройство, чья предвидимая интерпретация есть часть самого процесса его создания» [3, с. 25].

Фактор адресата в высказывании (тексте) связан прежде всего с теми элементами его структуры, которые в силу своей стратегической расположенности призваны фокусировать внимание читателя и, следовательно, облегчить ему декодирование авторского послания. Система средств прагматического фокусирования составляет «интерпретационную программу», предназначенную автором своему «образцовому» читателю (термины У. Эко).

Таким образом, дискурс является в данном случае категорией, призванной осмыслить процесс речемышления во всей его полноте: от момента зарождения мысли до ее оформления в слове и развертывании в текст, с одной стороны, и от момента восприятия текста до создания его лично актуального смысла-образа» [4, с. 73] – с другой. Составляющими этого процесса являются говорящий, или автор сообщения (текста), сообщение (текст) и адресат сообщения (текста).

Еще в 1920-е годы М. М. Бахтин указывал на то, что «всякое действительно произнесенное слово (или осмысленно написанное), а не дремлющее в лексиконе слово есть выражение и продукт социального взаимодействия трех: говорящего (автора), слушателя (читателя) и того, о ком (или о чем) говорят (героя)» [5, с. 83]. По сути, это определение соответствует представлениям о дискурсе как «когнитивно-коммуникативном событии» (по М. Бахтину, «социальном событии» [там же]), которое включает «говорящего и слушающих, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации», в частности «значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание мира, другие установки и представления» [6, с. 83, 122], и текст. Речевая, или дискурсивная, деятельность осуществляется «в беспрестанном чередовании процессов создания текста и его восприятия, в круговороте говорения и слушания» [7, с. 5].

Исходя из сказанного, представляется уместным определить дискурс в рамках указанного подхода как когнитивно-коммуникативное событие, взятое во всей его полноте, то есть как процесс, выражение и

продукт интеракции участников коммуникации, происходящей с помощью определенного кода в определенных социально-культурных и исторических условиях.

II. Совершенно противоположные когнитивизму позиции в подходе к дискурсу стали основанием для возникновения различных теорий дискурса и школ дискурс-анализа в постструктуралистско-конструктивистской парадигме. Речь идет об идеях лингвистического детерминизма, социального конструктивизма и децентрации субъекта.

Этот подход восходит к теоретическим и эмпирическим работам французского философа и культуролога Мишеля Фуко. В своих исследованиях «археологии» и «генеалогии» знания М. Фуко подверг деконструкции его традиционные структуры как раз и навсегда установленные, самостоятельно развивающиеся единства. М. Фуко показал, что ни общий объект, ни форма и ни тип соединения высказываний, ни система неизменных и связанных понятий, ни, наконец, тождественность и устойчивость тем не могут служить основанием для группировки рассеянных высказываний в традиционные структуры. Дело в том, что объекты формируются в процессе их наименования, выделения, описания и тому подобного, то есть не объект определяет высказывания, а высказывания определяют объект. Кроме того, по М. Фуко, научные понятия не являются неизменными, а новые понятия не всегда выводятся из уже существующих, напротив, они нередко вступают в непримиримые противоречия со старыми. И наконец, общая научная тематика зачастую базируется на разных понятиях, разных типах анализа и включает разные объекты.

В результате такого рода деконструкции вместо общностей обнаруживаются различные совокупности — рассеивания, «которые наверняка не организуются ни как постепенно возводимое дедуктивное построение, ни как огромная книга, создаваемая с течением времени, ни как творчество коллективного субъекта» [8, с. 92]. Для описания систем рассеивания М. Фуко вводит понятие дискурса, или дискурсной (дискурсивной) формации.

Анализ взглядов М. Фуко на дискурс позволяет сделать вывод о том, что дискурс (или дискурсная формация) в его понимании — это одновременно *способ видения реального мира и способ его представления*. Различные («рассеянные», по М. Фуко) высказывания объединяются в дискурсную формацию, так как в них, выражаясь языком дискурс-анализа, «артикулируются» идеи, признаваемые в рамках данных высказываний истинными. Система этих идей и составляет способ видения мира, который не может быть, однако, его прямым отражением, поскольку опосредован языком и является продуктом дискурса. А стратегия порождения высказываний, общая для данной дискурсной формации, в которую входят коммуникативный модус, способы выражения субъектных позиций, модальности высказывания и тому подобное, составляет способ представления мира, точнее, знания о мире, что, впрочем, для дискурс-анализа одно и то же.

Дискурс-анализ изучает процессы взаимодействия дискурсов, либо «мирно» сосуществующих, либо вступающих друг с другом в конфликт,

а также способы разрешения конфликта альтернативных дискурсов. Выходом из конфликта конкурирующих дискурсов является установление ясности с помощью гегемонии. Понятия «борьба», «антагонизм» и «гегемония» служат в дискурс-анализе для описания изменений, которые претерпевают дискурсы, что, в свою очередь, является отражением изменений в социальном пространстве. Таким образом, дискурс рассматривается в конструктивистском духе как фактор организации социального мира.

Другой важной философской предпосылкой дискурс-анализа является постструктуралистское представление о децентрации субъекта. Дискурс-анализ отрицает когнитивистские представления об автономности субъекта, который наделен способностью с помощью ментальных процессов структурировать внешний мир и таким образом формировать свое социальное поведение. В постструктурализме субъект складывается из разных идентичностей, формируемых в разных дискурсах. Одним из ключевых понятий дискурс-анализа, по М. Фуко, является субъектная позиция — «не говорящее сознание, не автор формулировки, а позиция, которая при определенных условиях может быть занята любыми индивидами» [8, с. 223]. «Неважно, кто говорит, но важно то, откуда он это говорит» [8, с. 237].

Дискурс-анализ ставит перед собой задачу «привести к позиционному единству рассеянное множество высказываний» [9, с. 551] и перегруппировать их в структуры, выявляемые в ходе дискурс-анализа и соответствующие определенной позиции, «в которой на уровне, интересующем АД (анализ дискурса. — В. А.), субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемы» [9, с. 552]. Это значит, что не субъект определяет дискурс, а дискурс сообщает говорящему (или пишущему) статус субъекта.

В рамках постструктуралистско-конструктивистской парадигмы основанием определения дискурса является единство интерпретации ключевого понятия в рассеянных высказываниях (текстах), что позволяет объединять последние в нечеткие множества. Дискурс рассматривается как некое когнитивно-тематическое пространство, в котором формируются значимые на данном историческом этапе идеологические (смысловые) позиции, релевантные для определенного социума и выражаемые не в одном, а во множествах рассеянных высказываний/текстов, которые задают участникам коммуникации определенные субъектные позиции. Наиболее точно дискурс в этом значении следовало бы обозначить как *дискурсивную формацию*.

III. Наконец, третья версия понятия дискурс разрабатывается в неориторике — современной науке о природе, типах, возможностях и средствах человеческого общения.

Неориторическое понимание дискурса базируется на представлении о том, что в основе любой деятельности, в том числе речевой, лежат коммуникативные компетенции, которые человек усваивает вместе языком. В.И. Тюпа, активно разрабатывающий неориторическую концепцию дискурса и таксономию дискурсивных практик, выделяет три

дискурсивные компетенции, соответствующие трем сторонам коммуникативного события, которые связаны с действительностью, языком и сознанием [10, с. 19–24].

1. *Референтная* компетенция отражает конвенции представления средствами языка объективной и субъективной действительности, она определяет ракурс ее видения, общий для адресанта и адресата.

2. *Креативная* компетенция определяет форму речевого авторства, то есть то, каким образом адресант инсценирует себя в высказывании (тексте) (см., например: [11, с. 51 и далее]).

3. *Рецептивная* компетенция связана с фактором адресованности, или «обращенности» (по М. Бахтину), который присутствует в любом высказывании.

12

В текстопорождении проявляются определенные закономерности реализации коммуникативных компетенций. Можно говорить об устоявшихся способах или дискурсивных практиках текстопорождения и текстовосприятия. Примером одной из них является нарратив – «специфическая дискурсивная практика представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [12, с. 40]. В нарративе история (реализация референтной компетенции) неотделима от точки зрения (реализация креативной компетенции), которая задает адресату определенный угол зрения на эту историю (реализация рецептивной компетенции).

Дискурсивные практики взаимодействуют. Так, нарративное письмо широко включает в свой состав анарративные фрагменты (описание, рассуждения), подчиняя их нарративным задачам.

Итак, с позиций неориторики дискурс может быть описан как стратегия порождения и восприятия текстов, специфический способ вербального представления мира или фрагмента мира. Наиболее точно такое понимание дискурса отражает термин *дискурсивная практика*.

Несмотря на то, что проанализированные концепции дискурса исходят из разных методологических принципов, в их фокусе находится один и тот же объект исследования – текст. Текст является знаковым телом дискурса в любой его версии. Как артефакт он может быть воспроизведен и интерпретирован. Моно- (дискурс как коммуникативное событие) или транстекстовые (дискурс как дискурсивная формация и как дискурсивная практика) модели дискурса позволяют преодолеть границы текста, поместив его в динамическое пространство коммуникации, и учесть, с одной стороны, действие общих закономерностей, заложенных в языке как хранилище сверхличного опыта (культурной памяти), с другой – творческое преломление коллективного опыта в индивидуальной практике языковых личностей в процессе порождения и восприятия высказывания/текста.

Современный этап развития науки отмечен стремлением интегрировать все измерения дискурса в единой модели. В качестве примера можно привести модель многоуровневого дискурс-анализа DIMEAN

(Diskurslinguistische Mehr-Ebenen-Analyse), предложенную в 2008 году лингвистами из Швейцарии И.-Х. Варнке (Берн) и Й. Шпитцмюллером (Цюрих) [13, S. 3–54]. В ней выделяются три уровня:

- интратекстуальный (die intratextuelle Ebene);
- актерский (die Ebene der Akteure);
- транстекстуальный (die transtextuelle Ebene).

На *интратекстуальном* уровне устанавливаются структурные и прагматические характеристики текста – такие, как тема, структура, ключевые слова, пресуппозиции, импликации и т. д.

На *актерском* уровне описываются коммуникативные роли участников коммуникации (адресант/адресат), их дискурсивные позиции (социальный, идеологический и прочие контексты) и используемые ими средства (форма коммуникации, тип текста, медианоситель) – все то, что сказывается на формулировании высказывания. Заимствованный из социологии термин «актер», заменивший «технические» обозначения «говорящий/слушающий», «отправитель/реципиент», «адресант/адресат», характеризует субъекта коммуникации как «ориентированного на ситуацию, учитывающего контекст и способного к интерпретации участника интеракции, действующего социально и способного учесть осведомленность своего контрагента» [14, S. 299].

Таким образом, актерская модель участника коммуникации включает широкий спектр лингвистических и экстралингвистических характеристик языковой личности, которая одновременно является членом языкового коллектива. Эти характеристики по-разному сказываются на речевом поведении актеров, на продукте коммуникации (тексте) и его интерпретации.

Транстекстуальный уровень включает текст в различные текстовые ареалы на основе его интертекстуальных и интердискурсивных связей. Подводя итоги сказанному, заметим, что теория дискурса и само понятие «дискурс» отнюдь не отрицают или вытесняют традиционный объект лингвистических исследований «текст», а знаменуют собой выход на новый виток спирали познания, позволяющий увидеть и обосновать когнитивно-коммуникативный потенциал текста.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–238.
2. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.
3. Эко У. Роль читателя. СПб., 2005.
4. Филиппов В. С. Текст: на все четыре стороны // Чествуя филолога (К 75-летию Ф. А. Литвина). Орел, 2002. С. 66–74.
5. Бахтин М. М. (Волошинов В. Н.) Слово в жизни и слово в поэзии (к вопросам социологической поэтики) // Бахтин под маской. М., 2000. С. 72–94.
6. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
7. Кубрякова Е. С. и др. Человеческий фактор в языке. М., 1991.
8. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.
9. Серю П. Анализ дискурса во Французской школе: Дискурс и интердискурс // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. М., 2001. С. 549–562.

10. Тюна В.И. Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии. СПб., 2007. С. 9–74.

11. Нефедов С.Т. ИмPLICITная авторизованность научного текста // Научное мнение. СПб., 2013. С. 51–57.

12. Андреева В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб., 2006.

13. Warnke I.H., Spitzmüller J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik – Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen // Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene / hrsg. von J. Spitzmüller. Berlin ; New York, 2008. S. 3–54.

14. Bergmann J.R. Haustiere als kommunikative Ressourcen // Kultur und Alltag. Sonderband 6 der Zeitschrift «Soziale Welt» / hrsg. von H.-G. Soeffner. Göttingen, 1988. S. 299–312.

Об авторе

Валерия Анатольевна Андреева – д-р филол. наук, доц., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

E-mail: valeryandreeva@gmail.com

About the author

Dr Valeria Andreeva, Associate Professor, Alexander Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg.

E-mail: valeryandreeva@gmail.com